

Истоки политического кризиса 1433 г. в Московском великом княжестве

Ирина Пономарева

The origins of the political crisis in 1433 at the Moscow Grand Duchy *Irina Ponomareva (Moscow State Linguistic University, Russia)*

События, приведшие к политическому кризису 1433 г., следствием которого стала смена правителя Московского великого княжества, неоднократно описаны и прокомментированы. Однако относительно некоторых из них есть сомнения как в правдивости дошедшего официального летописания, так и в верности его интерпретации историками.

Согласно завещанию московского великого князя Василия Дмитриевича, скончавшегося 27 февраля 1425 г., после его смерти престол должен был занять его сын Василий, которому 10 марта исполнилось 10 лет. Несмотря на притязания брата Василия I, галицкого удельного князя Юрия Дмитриевича, вдове и ближайшему окружению великого князя удалось удержать престол за Василием II¹. После смерти 27 октября 1430 г. деда Василия Васильевича, великого литовского князя Витовта, Юрий Дмитриевич «разверже мирь» с племянником, но о каких-либо последствиях этого шага неизвестно².

Развитие династический конфликт получил после кончины 2 июля 1431 г. митрополита Фотия³, державшего сторону Василия. Соперники «спершися о великом княжении и похотеша ити въ Орду к царю Махметю» (Улуг-Мухаммеду)⁴. Сведений о том, кто был инициатором поездки, в источниках нет. Л.В. Черепнин логично предположил, что на ней настоял Юрий Дмитриевич⁵, что вполне правдоподобно. С другим его выводом (о том, что в Орде ни одна из сторон не преуспела) согласиться трудно. О решении дела в пользу Василия Васильевича прямо говорится в московском летописании, но Черепнин сослался на менее осведомлённых летописцев Новгорода и Пскова, отметивших нерешённость вопроса о престоле. Я.С. Лурье, обративший внимание на молчание на этот счёт тверского летописания, высказался осторожнее, находя исход спора в Орде «не вполне» ясным. А.А. Зимин заметил, что в новгородской летописи соответствующему сюжету посвящены две записи, и вторая фиксирует получение стола Василием⁶, что под-

© 2016 г. И.Г. Пономарева

¹ Подробнее см.: *Пономарева И.Г.* Боярское окружение московского великого князя Василия Васильевича в 1425–1432 гг. // *Российская история*. 2011. № 1. С. 96–107; *она же*. Кто управлял Московским великим княжеством в 1425–1432 гг.? // *Средневековая Русь*. Вып. 9. М., 2011. С. 167–196.

² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 25. М., 2004. С. 248.

³ Видимо, в ночь с 1 на 2 июля. 1 июля: ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. Стб. 54; Т. 20. Ч. 1. СПб., 1910. С. 234; 2 июля: Т. 12. М., 2000. С. 10; Т. 25. М., 2004. С. 248.

⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 249.

⁵ *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 104.

⁶ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 752–753; *Лурье Я.С.* Две истории Руси XV в. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994. С. 88; *Зимин А.А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 48; ПСРЛ. Т. 3. М., 2003. С. 416; Т. 5. Вып. 1. С. 39; Вып. 2. М., 2000. С. 44, 126; Т. 15. Стб. 489; Т. 16. Стб. 178; Т. 25. С. 249–250.

тверждается не только официальным летописцем, которого можно заподозрить в ангажированности, но и возвращением Василия из Орды в Москву 12 июля 1432 г. вместе с представителем хана, совершившим 5 октября обряд его посажения на великое княжение⁷.

Своей победой Василий II был обязан боярину Ивану Дмитриевичу Всеволожскому. Защищая права Василия Васильевича, опытный и ловкий политик сделал акцент на том, что хану предстояло сделать выбор между волей давно умершего московского князя (Юрий Дмитриевич, в частности, апеллировал к завещанию Дмитрия Донского, по которому в случае смерти его сына Василия престол должен был наследовать старший из оставшихся братьев) и собственным «жалованьем» (признанием ранее Улуг-Мухаммедом преемником Василия I его сына). Обстоятельства получения пожалования проясняют две пометки на обороте списка XV в. первого из двух завещаний Василия I на имя сына Василия⁸: «Список з грамоты, что поймал Олексеи (Алексей Стромиллов – писец акта. – *И.П.*) з собою в Литву, коли с митрополитом поехал с Фотеем на середохрестье» и «Список с тое грамоты, что пошла к великому князю к Витовту с Олексеем в лето 30 первое, з середохрестья»⁹. Вслед за митрополитом, очевидно, в марте 1423 г. к отцу выехала великая княгиня Софья с предполагаемым наследником¹⁰. В это время в Литовском великом княжестве находился Улуг-Мухаммед, потерпевший поражение в ордынской междоусобице. Можно думать, что именно тогда была санкционирована передача московского престола внуку Витовта, активно помогавшего хану в его борьбе за власть над Ордой.

Поездка соперников к хану завершилась подтверждением передачи престола племяннику. Дядя в качестве компенсации получил Дмитров, ранее принадлежавший его умершему без наследника брату Петру. В Орде, казалось, была поставлена точка в затянувшемся династическом кризисе, но там же был сделан и первый шаг к его возобновлению, как это ни парадоксально, увязываемый московским летописцем с благодетелем Василия II Иваном Дмитриевичем Всеволожским.

Несколько поздних памятников сообщают об амбициозном плане боярина, действовавшего, как выясняется, не только в интересах своего подопечного. Никонская летопись (памятник 1520–1530-х гг.) утверждает, что Всеволожский заручился обещанием Василия II жениться на его дочери¹¹. Источники из синхронного ей Медоварцевского сборника указывают на другой брачный проект боярина: в помещённом в нём «Русском летописце вкратце» начала XVI в. говорится, что в Орде Всеволожский «с князем Юрьем сватался дчерью своею за его сына»¹². Факт сватовства отмечен и в Московском своде 1479 г. (непосредственно отражён в Московском своде конца XV в.). Правда, он сообщает (известие подтверждается родослов-

⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 64; Т. 8. М., 2001. С. 96; Т. 27. М., 2007. С. 269, 344.

⁸ Завещание в пользу сына Ивана утратило силу после его смерти в 1417 г. (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее – ДДГ). № 20–22; ПСРЛ. Т. 25. С. 243). О порядке завещаний в пользу Василия см.: *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* О датировке завещаний Василия I // *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. М., 2008. С. 232–239; *Пономарева И.Г.* К хронологии завещаний московского великого князя Василия Дмитриевича // *Русское средневековье.* М., 2012. С. 103–110.

⁹ ДДГ. № 22. С. 62. Средохрестье – середина Великого поста, четвёртая (Крестопоклонная) неделя, в узком значении – её среда (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999. С. 88). В 1423 г. Пасха пришлась на 1 апреля, соответственно, митрополит выехал в конце февраля – начале марта.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 246.

¹¹ Там же. Т. 12. М., 2007. С. 17.

¹² *Лурье Я.С.* Рассказ о боярине И.Д. Всеволожском в Медоварцевском летописце // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник за 1977 год.* М., 1977. С. 8–10.

ными материалами), что Всеволожский обручил не дочь, а внучку – дочь удельного князя Андрея Владимировича Радонежского и Елены Ивановны Всеволожской – со вторым сыном Юрия Василием¹³. Обручение состоялось «по смерти княже Андрееве и по Ординском приходе»¹⁴. Устанавливая дату обручения, А.В. Экземплярский, отметив чередование событий, казалось бы указывающее на их близость, не смог определиться: идёт ли речь о некоем татарском походе или о возвращении Всеволожского из Орды. Андрей Владимирович умер осенью 1426 г., а единственный татарский поход на русские земли в последующий период до 1433 г. имел место в 1429 г.¹⁵ Приведённое свидетельство Медоварцевского летописца позволяет утверждать, что обручение состоялось по возвращении деда невесты из Орды.

Оба брачных проекта хитроумного боярина, несомненно, вызвали если не возмущение, то осуждение в великокняжеском окружении, так как их реализация обеспечивала Всеволожским близкое родство с великим князем вне зависимости от исхода борьбы за верховную власть в княжестве. Для великокняжеской семьи брак с боярышней был недопустимым мезальянсом: все предшественники Василия II женились только на дочерях владетельных князей. Не стала исключением и невеста Василия II Мария Ярославна, происходившая из серпуховской ветви московской династии. Выбор определялся рядом обстоятельств. Видимо, учитывалась династическая ситуация: из-за эпидемии оспы 1425–1427 гг. в Серпуховско-Боровском княжестве остался только один представитель княжеского дома мужского пола – брат Марии Василий (предположительная дата рождения между 1416 и 1419 г.¹⁶). В перспективе это облегчало ликвидацию одного из уделов Московского княжества, к чему в условиях обозначившейся тенденции к государственной централизации стремилась великокняжеская власть. Преемник Василия II, будучи потомком серпуховских князей, был бы воспринят как естественный наследник их владений (подобный сценарий обыграли по отношению к Тверскому княжеству при преемнике Василия II Иване III, первой женой которого была тверская княжна). Не последним аргументом могло стать также знакомство с подраставшей на глазах, а потому предпочитаемой Марией. Ещё до свадьбы у великокняжеской семьи сложились доверительные отношения с управлявшей уделом бабкой Марии и Василия по отцовской линии княгиней Еленой Ольгердовной, родственницей Софьи Витовтовны и Василия II¹⁷. Выбор, в числе прочего, мог отражать желание приблизить к престолу новых лиц, и тогда в расчёт принималось близкое родство Марии с московским

¹³ Старшим был Иван, умерший весной 1432 г. (во время Великого поста). О нём см.: Семенченко Г.В. Неизвестный сын Юрия Галицкого и политическая борьба на Руси в начале 30-х гг. XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 22. Л., 1991. С. 188–192.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

¹⁵ Там же. С. 248. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891. С. 309–310. Родословцы сообщают о браке Василия Косого с дочерью Андрея Владимировича Большого (ПСРЛ. Т. 7. М., 2001. С. 238 («Список удельных князей» из Воскресенской летописи); II извод Патриаршей редакции родословных книг начала XVII в. // Временник Московского общества истории и древностей российских. Кн. X. М., 1851. С. 26). В литературе высказана точка зрения об отцовстве Андрея Владимировича Меньшого (Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Серпуховская ветвь московского княжеского дома // Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел... С. 261).

¹⁶ Самую раннюю дату, видимо, увязывая её со смертью первой жены Ярослава Владимировича, указал В.И. Сергеевич – ок. 1411 г.; А.В. Экземплярский дал самый поздний вариант – 1426 г., очевидно, исходя из даты смерти Ярослава (Сергеевич В.И. Древности русского права. Т. 1. СПб., 1909. С. 75; Экземплярский А.В. Указ. соч. С. 311). Представляется верной приведенная датировка (Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел... С. 149–150).

¹⁷ Подробнее см.: Мазуров А.Б. Духовная грамота вдовы князя Владимира Андреевича Серпуховского Елены Ольгердовны // Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Русский удел... С. 250–253. Елена и Витовт имели общего деда.

боярским родом Кошкиных (потомки Фёдора Андреевича Кошки), из которого происходил фаворит Василия I – боярин Иван Фёдорович, дядя матери Марии.

Едва ли современники догадывались, какие масштабные и роковые последствия будет иметь крушение надежд амбициозного боярина. Реализация планов Всеволожского открывала ему путь на высшую ступень в придворной иерархии. Женитьба великого князя на Марии Ярославне лишала боярина достигнутых позиций, так как неизбежно влекла за собой выдвигание её московской родни, а в худшем случае грозила ему опалой. Всеволожский бежал из Москвы до великокняжеской свадьбы, омрачённой скандалом.

На присутствовавшем на свадебных торжествах сыне Юрия Галицкого Василии был замечен «пояс золот на чепех с камнем». Летописец подробно описал обстоятельства появления его у князя, представив дело следующим образом. Брак деда Василия II, великого князя Дмитрия Ивановича, устраивал тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов. Одну дочь князя Константина Дмитриевича Суздальского он сосватал за великого князя, а другую – за своего сына Николая. Тысяцкий поменял входившие в приданое пояса, в результате чего Дмитрию Ивановичу достался «меньший». Вельяминов присвоенный пояс отдал за дочь Ивану Дмитриевичу Всеволожскому, тот включил его в приданое своей дочери, вышедшей за удельного князя Андрея Владимировича Радонежского. При обручении внучки Всеволожский передал пояс Василию Юрьевичу. Даже по официальной версии князь выглядит его благоприобретателем, что не остановило Софью Витовтовну. Когда входивший в окружение Василия II Пётр Константинович Добрынский опознал пояс, она публично сняла его с князя, после чего «раззловившись» Василий Косой с братом Дмитрием Шемякой устремились в Галич к отцу, по наущению Всеволожского уже готовившему поход на Москву. Великокняжеская семья оказалась перед угрозой военного конфликта, противоборствующая сторона в котором была представлена группой непримиримых противников, сплочённых чувством мести (к тому времени Василий II отобрал у Юрия Галицкого Дмитров)¹⁸.

Так как суть противостояния великокняжеской семьи с галицкой ветвью московского княжеского дома состояла в борьбе за престол, то историки именно в этом усматривали идейную подоплеку свадебного скандала. Л.В. Черепнин называл пояс великокняжеской регалией и рассматривал произошедшее в контексте отстаивания прав Василия II в борьбе «с удельно-княжеской и боярской оппозицией». Внесение эпизода в летописание, по его мнению, было призвано доказать незаконность присвоения удельными князьями великокняжеской регалии. Схожее значение придавал поясу и А.А. Зимин, сравнивший его с шапкой Мономаха. По его словам, Софья Витовтовна «усмотрела в истории с поясом стремление обосновать права князя Юрия Дмитриевича на великокняжеский престол». «Владение поясом, как наследием Дмитрия Донского, означало преемственность власти и вместе с тем обладание им ассоциировалось с обладанием Нижним Новгородом»¹⁹. Эти разъяснения совершенно не увязываются с реалиями. Пояс, призванный продемонстрировать притязания Юрия, был не на самом Юрии, а на его сыне. Никаких свидетельств наследования пояса в связи с великокняжеским статусом нет, как и информации о принадлежности поясов к княжеским инсигниям²⁰. На отсутствие предложенной идейной подоплёки прямо указывают слова

¹⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

¹⁹ Черепнин Л.В. Образование... С. 457–458; Зимин А.А. Указ. соч. С. 53.

²⁰ Посвятившая московским княжеским поясам (исчисляемых десятками) специальную статью М.М. Рудковская не назвала других доводов в пользу приведённых мнений (Рудковская М.М. Драгоценные пояса в системе регалий княжеской власти в средневековой Руси // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4(84). С. 11–19).

летописца, извиняющегося за внесение подробностей о перемещении пояса из одной семьи в другую: «Се пишем того ради, поне же много зла с того почало». Он доказывал незаконность обладания галицким князем не великокняжеской регалией, а конкретным поясом.

На отсутствие политико-идеологического контекста в истории с поясом указывает и заочная полемика с официальным летописцем автора вставки в Типографской редакции родословцев, начинающейся словами: «Марья Микулина жена», появление которой можно рассматривать как стремление изобличить лживость истории с меной поясов. Вставка содержит часть родословной Вельяминовых (указаны три поколения: Василий Васильевич, его дети и внуки). В конце родословной сообщается, что Василий Васильевич Вельяминов «женил сына своего Микулу..., а у великого князя у Дмитрия у Костантинович[я] взял *большую* дочь, а за великого князя за Дмитрия взял *меньшую* дочь, а пояс *лучшой* взял с нею, и за тот пояс на свадьбе у великого князя у Василья у Косого поимался Петр Костянтинович, а князь Василий Косой тогда обручал внуку Ивана Дмитриевича и тот пояс взял в приданья»²¹. Таким образом показывается безосновательность претензий к галицкому князю (лучший пояс прадед его невесты получил от тестя по справедливости, женившись на старшей из сестёр). Усомнившись в состоятельности легенды, С.Б. Веселовский отметил, что пояс не мог быть передан Всеволожскому лично Н.В. Вельяминовым, как уверяет летописец, так как он погиб в 1380 г., когда будущему боярину было лет десять. Кроме того, обвинение должно было вызвать у присутствующих недоверие, трудно вообразить, что кто-то (во всяком случае, не Пётр Константинович Добрынский, доживший по меньшей мере до 1460-х гг.²²) мог опознать подменённый 65 лет назад пояс, с тех пор, наверное, не раз демонстрировавшийся и внимания не привлекавший²³. По-видимому, Василий Юрьевич предстаёт жертвой, и не столько обстоятельств, сколько клеветы. Но фальсификация истории с поясом, кажется, этим не исчерпывается.

В летописании присутствует ещё одна версия его происхождения, согласно которой зачинщиком конфликта выступил двоюродный брат невесты. В ряде летописей говорится, что не Пётр Константинович Добрынский, а Захария Иванович Кошкин «имался» (ухватился) за пояс и заявил: «Тот пояс пропал у меня, коли крали казну мою»²⁴. Примечательно, что З.И. Кошкин в 1445 г. участвовал в литовском походе на Калугу, из чего следует, что он покинул Московское княжество, видимо, в какой-то из двух периодов утраты Василием II престола (1433 и 1434 гг.). Сведений о его московской службе нет, тогда как его сыновья, очевидно будучи родней великого князя, весьма преуспели при Иване III (правнучка даже стала первой царицей)²⁵. Удивляет столь долгое пребывание Кошкина в Литовском княжестве. Не мешало ли возвращению отношение к нему в Московском княжестве из-за участия в развязывании судьбоносного конфликта с галицким домом?

Л.В. Черепнин и А.А. Зимин версию с З.И. Кошкиным оставили без комментария, чему находится только одно объяснение: приданный истории с подменой

²¹ Типографская редакция родословных (далее – Тип.) // ПСРЛ. Т. 24. М., 2000. С. 232.

²² В 1463–1465 гг. им была составлена память для следствия по местническому делу (Тип. С. 232; Назаров В.Д. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. III. Троицкий старец Геннадий Бутурлин // Восточная Европа в исторической ретроспективе. М., 1999. С. 188).

²³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 342.

²⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 65; Т. 20. Ч. 1. С. 238; Т. 23. М., 2004. С. 147; Т. 27. С. 269–270, 344; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 99, 265; Т. 39. С. 143. Произнесенные Кошкиным слова сохранились только в Архангелогородском летописце (ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 85); Зимин А.А. Указ. соч. С. 52, 229.

²⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 394–395; Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 150–151.

пояса идеологический контекст, с историографической точки зрения, выглядит эффектнее банального захвата его в качестве трофея при грабеже. Между тем, хотя некоторые из дающих этот вариант летописи исследователи относят к так называемому независимому летописанию, в основе части, включающей рассказ о поясе, все летописи, сообщающие о его принадлежности Кошкину, похоже, восходят к раннему по отношению к Московскому своду 1479 г. официальному летописанию²⁶. Вообще, вторая версия выглядит довольно убедительно. Правдоподобна, в частности, бытовая подробность о вполне реалистичных обстоятельствах утраты пояса Кошкиным, имевшим возможность обладать поясом, достойным князя. Его род был влиятельным и, конечно, состоятельным. В письме Василию I Едигей отзывается о деде Захарии – Фёдоре Кошке – как о «добром» советчике великого князя. Отца Захарии Ивана Едигей называет великокняжеским фаворитом, «старейшиной», главным советником и казначеем (вот уж кому проще было манипулировать поясами из великокняжеской казны). При этом ряд обстоятельств (брак Николая Вельяминова со старшей дочерью суздальского князя, невозможность передачи им пояса лично зятю и опознание его через десятки лет) подрывают доверие к официальной версии. Но даже если её принять как соответствующую действительности, необходимо отказаться от сакрального смысла, приписываемого историками снятию пояса. Он связан не с великокняжескими регалиями и борьбой за верховную власть, а с совершенно иной областью средневековой идеологии.

С древности пояс был элементом одежды, маркирующим возрастную и социальный статус человека. В частности, надевание пояса на мальчика означало его возмужание. Публичное пребывание без пояса было неприличным, а распоясывание являлось тяжёлым оскорблением²⁷. Центральным элементом посвящения в рыцари в западной традиции было ритуальное опоясывание мечом²⁸, причём бывало, что делала это супруга государя²⁹. В Древней Руси, по-видимому, посвящение в воины также сопровождалось ритуалом опоясывания³⁰. Сняв пояс с Василия Косого, великая княгиня его публично обесчестила. Покушение на право принадлежности к воинскому сообществу молодой князь (не без оснований надевшийся унаследовать великокняжеский престол) должен был расценить как несмываемый позор и смертельное оскорбление.

Пытаясь разобраться в истоках последовавшего политического кризиса, историки задавались вопросами: готовился ли конфликт заранее и если да, то кем?

С.Б. Веселовский, рассматривая возможность подготовки ссоры Софьей Витовтовной и лицами из великокняжеского окружения, заметил, что можно было выбрать другую обстановку, не омрачая безобразной сценой свадьбу. Нельзя не согласиться с резонностью и его вывода о том, что окружение Василия II не было заинтересовано в обострении отношений с галицким домом, о чём свидетельству-

²⁶ Так, о Летописце от 72-х язык Я.С. Лурье писал, что его наиболее оригинальная вторая часть содержит фрагмент великокняжеского летописания за 6925–6985 (1417–1477) гг. «Текст этого фрагмента позволяет предполагать, что он восходит к великокняжеской летописи, предшествовавшей Московскому своду 1479 г.» (*Лурье Я.С. Летописец от 72-х язык // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Л., 1989. С. 21–22*).

²⁷ *Левкиевская Е.Е. Пояс // Славянские древности. Т. 4. Этнолингвистический словарь. М., 2009. С. 230–233.*

²⁸ *Кин М. Рыцарство. М., 2000. С. 132.*

²⁹ *Руа Ж.Ж. История рыцарства. М., 1996. С. 59.*

³⁰ Подробнее см.: *Васин П.А. К вопросу об обрядности воинского посвящения в княжескую дружину // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М., 2010. С. 130–143.*

ют дальнейшие безуспешные попытки переговоров о мире³¹. В случае перерастания противостояния с галицким домом в войну возмужавший великий князь не смог бы уклониться, как бывало ранее, от личного участия в боевых действиях, передоверив свои воеводские функции родственникам и членам Двора³². Поражение и тем более гибель Василия II в отсутствие наследника создавали угрозу перехода престола к галицкой ветви. А.А. Зимин полагал, что конфликт стал результатом сговора придворных, недовольных всевластием (и, добавим, амбициями) Всеволожского, обосновав своё мнение соперничеством с ним Кошкиных³³. Но боярин уехал ещё до свадьбы, что делает развязывание ссоры по этой причине как бессмысленным, так и вредоносным.

Возможность инициирования конфликта великокняжеской стороной вроде бы доказывает судьба Дмитрова, переданного Юрию ханом. По возвращении на Русь князь, захватив в Звенигород, оттуда направился в новое владение. Но вскоре, согласно официальному летописанию, он, «бояся великого князя, иде из Дмитрова в Галич, и князь великии взял Дмитровъ за себя». В Сокращённом своде конца XV в. есть уточнение: «Того же лета князь великии наместниковъ дмитровскихъ съслал княжих (в Никоновской летописи – добавление: “иныхъ поималъ”. – *И.П.*), а Дмитров взял за себя»³⁴. Типографская летопись даёт информацию о предшествовавших событиях, показавших, что оставить Дмитров Юрия заставили не абстрактные опасения, а настойчивость противника. Через посланника Василий II заявил о своих правах: «То выморокъ мой, дяди моего княже Петровъ». «И о томъ бысть межи им брань»³⁵. Очевидно, что великокняжеская сторона решительно выступила в защиту своих интересов, проигнорировав ханскую волю.

И всё-таки вероятнее, что конфликт на свадьбе возник спонтанно и помимо воли великокняжеской семьи. Узнавший свой пояс Кошкин не смог устоять перед искушением разоблачения представителя враждебного клана, связанного родственными узами с Всеволожским, чья родственница была конкуренткой его двоюродной сестры в борьбе за венценосного жениха. Софья Витовтовна воспользовалась случаем публично унижить представителя соперничающей стороны. Ценой же сомнительного и мимолетного торжества стало разворачивание очередного политического кризиса, в результате которого её сын потерял престол. Впоследствии, чтобы снять с великокняжеской стороны ответственность за развязывание усобицы, пришлось придумать историю с подменой пояса из приданого деда Василия II. Чтобы не бросать тень на родню, зачинщиком конфликта был представлен оказавшийся позднее на стороне удельной оппозиции Пётр Константинович Добрынский³⁶.

³¹ *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 342; ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

³² По древнерусским источникам не выявляется возраст, с которого молодые люди, в частности сопровождавшие войска юные князья, реально участвовали в боевых действиях. Трудно представить, чтобы подростки могли вступать в единоборство со взрослыми воинами. Изучение массового захоронения павших в битве при Таутоне (1461 г.) – самой кровопролитной и решающей битвы войны Алой и Белой розы, показало, что участникам её было от 18 до 45 лет. По-видимому, это следует признать обычным возрастом сражавшихся в средневековых боях.

³³ *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 53–54.

³⁴ ПСРЛ. Т. 12. С. 17; Т. 25. С. 250; Т. 27. С. 269, 344.

³⁵ Там же. Т. 24. С. 182.

³⁶ Клан Добрынских выдвинулся в первые годы правления Василия II, но в 1442 г. зафиксирована служба Петра Константиновича у Ивана Андреевича Можайского – активного участника заговора 1445 г. против Василия II, в котором деятельное участие принял Никита Константинович Добрынский (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 171; ПСРЛ. Т. 25. С. 265).